

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Предлагаемый вниманию читателей номер журнала посвящен анализу слов и символов в качестве смысловых медиаторов политических процессов и политических исследований. Обосновывая исследовательскую программу, фокусирующуюся на символическом измерении политики, Мюррей Эдельман заметил, что «из всех живых существ только человек реконструирует собственное прошлое, воспринимает условия настоящего и предвидит будущее, основываясь на символах, которые помогают абстрагироваться, отражают, сводят воедино, искажают, нарушают связи и даже творят то, что представляют его вниманию органы чувств» [Edelman, 1971, p. 2]. При этом «символы», конденсирующие устойчивые конфигурации смыслов, с одной стороны, влияют на восприятие социальной реальности, а, значит, на политическое поведение, а с другой – подвергаются оспариванию. Другими словами, они не только играют роль медиаторов, но и являются предметами борьбы. Потребность в изучении символического использования политики Эдельман аргументировал необходимостью принимать данное обстоятельство всерьез, т.е. рассматривать «формирование общих смыслов и их изменение» в качестве «комплексного элемента, опосредующего связь между средой и человеческим поведением» [ibid.].

Мы не случайно берем слово «символы» в кавычки: в рамках исследовательской традиции, заложенной Эдельманом, оно часто используется расширительно [Малинова, 2014, с. 5–12]. Политологи склонны пренебрегать различиями между символами и иными знаками, столь существенными с точки зрения семиотики или философии [Лотман, 2010; Лосев, 1995]. Фокусируясь на социально-коммуникативной функции «символов», Эдельман рассматривал их в качестве знаков, устойчиво конденсирующих смыслы. В этом

отношении он разделял терминологическую конвенцию, предложенную теоретиками символического интеракционизма. Джордж Герберт Мид рассматривал «символизацию» как функцию, обеспечивающую согласование человеческого поведения на более высоких ступенях человеческой эволюции, когда этот процесс осуществляется с участием речи (языка) [Mead, 1956, p. 177–199]. В бихевиоралистской логике языковые символы выступают как медиаторы социальных взаимодействий, обладающие способностью конституировать «объекты, которые в противном случае не существовали бы в контексте социальных отношений, где происходит символизация» [ibid., p. 180]. По мысли Мида, именно закрепление складывающихся в социальном поведении смыслов в наборах символов обеспечивает проективный уровень опыта, возможность целеполагания, ориентированного на будущее [ibid., p. 199].

Хотя формулировка темы, предложенная в этом номере, и отсылает к идеям теоретиков, обосновывавших необходимость изучения «символов» как медиаторов социальных взаимодействий для приверженцев мейстримной позитивистской парадигмы, она не ограничивается таким подходом. Номер включает теоретические и эмпирические статьи, рассматривающие производство и обращение смыслов, сконденсированных в словах и символах, с точки зрения разных методологических перспектив. Авторы концептуализируют *слова* и *символы*, опираясь на теоретический арсенал политической лингвистики, дискурс-анализа, истории понятий и исследований коммуникаций. Их внимание сосредоточено как на свойствах самих медиаторов, так и на особенностях их функционирования в политических контекстах и возникающих в связи с этим эффектах.

Поскольку в таких случаях речь идет об устойчивых смысловых конструкциях, исследователь имеет дело не столько со словами, сколько с понятиями. Слова (лексемы как языковые единицы) находятся в динамических отношениях с выражаемыми значениями (meanings, содержание понятия) и тем, что они означают (объектами реальности, идеями, элементами культурного кода и т.п.). И в общественно-политическом, и в научном дискурсе понятия играют роль инструментов, организующих мышление. По определению Ю. Кагарлицкого и Б. Маслова, «понятия составляют устойчивые структуры, которые позволяют сообществу носителей понятийного аппарата участвовать в совместном толковании и

изменении социального (и природного) мира» [Кагарлицкий, Маслов, 2019, с. 33]¹. Изучение истории понятий как истории связей между словами и идеями, которые могут иметь разное языковое воплощение, позволяет, с одной стороны, обнаруживать изменения в политическом сознании, а с другой – лучше понимать, каким образом слова формируют восприятие реальности. Некоторые из авторов этого номера развивают такой подход как на историческом, так и на современном материале.

Вопрос о соотношении терминов, понятий и описываемых ими феноменов правомерен и в отношении научного дискурса. На этот счет не существует единого мнения. Как отмечал Дж. Сартори, в то время как одни социальные исследователи склонны рассматривать слова как «нейтральные инструменты для выражения мыслей», другие считают слова «инструментами мышления (а не только коммуникации)», полагая, что они «сами по себе ориентируют наше восприятие и интерпретацию» [Sartori, 2009, p. 68]. При этом Дж. Сартори признавал, что СОСТА – Исследовательский комитет Международной ассоциации политической науки по концептуальному и терминологическому анализу – ближе к первой позиции. Этот подход в основном разделяют и авторы данного номера. Однако вторая позиция также имеет немало приверженцев среди политологов, последовательно предпочитающих интерпретирующую парадигму [Bevir, Kedar, 2008; Schwartz-Shea, Yanov, 2012, p. 49–51].

С идеал-типической точки зрения механизмы формирования общественно-политических и научных понятий разные. В рамках мейнстримного подхода научные понятия разрабатываются с помощью логических процедур, приписывающих термину определенное значение, что должно в широких социальных дискурсах вести к исключению «лишних» лексикографических значений, накопленных словами, выступающими в роли терминов [Sartori, 2009, p. 70]. Впрочем, на практике так происходит не всегда: порой обществоведы привносят понятия из общественно-политического дискурса, некритически принимая их расширительные значения. На наш взгляд, именно это произошло со словом «нарратив»: понятие, продуктивно разрабатывавшееся исследователями текстов (литературных, медийных, политических и др.), перекочевало в широкий публичный дискурс, откуда «вернулось» в социально-

¹ Ср. с определением понятий как «единиц мышления» в научном дискурсе у Дж. Сартори [Sartori, 2009, p. 67].

научные исследования, утратив определенность содержания. Впрочем, эта тенденция не должна заслонять усилия исследователей, направленные на более строгую концептуализацию данного понятия, примером чему могут служить и некоторые публикации в нашем журнале.

Интерпретирующий подход, принципиально отказывающийся от универсализирующих понятий в пользу исторически обусловленных, принимающих во внимание перспективы вовлеченных акторов, в большей степени стремится учитывать логику «реальной жизни». Однако и он в конечном счете опирается на процедуры абдуктивной логики, помогающие различать и агрегировать смыслы, приписываемые изучаемым явлениям релевантными акторами и другими исследователями, результатом чего оказываются динамически развивающиеся, но вместе с тем логически упорядоченные понятия [Schwartz-Shea, Yanov, 2012, p. 38–39].

Вне зависимости от принимаемой стратегии формирования социально-научных понятий – разрабатываются ли они «силой логики» исследователя, структурирующего смыслы согласно принимаемым правилам [Sartori, 2009, p. 70], или в результате интерактивной кумуляции интерпретаций, разделяемых вовлеченными социальными акторами [Bevir, Kedar, 2008, p. 507], – используемые для анализа понятия играют роль линз, имеющих вполне определенную разрешающую способность. Это в полной мере относится к публикациям настоящего номера.

Его открывает статья *А.И. Соловьева* «Нарративы в пространстве власти. Возможности и пределы нарративных политик», помещенная в рубрику «Контекст». Для описания политических эффектов публичного продвижения тех или иных нарративов, трансформирующих общественные реакции на заложенные в них ценности и смыслы, автор вводит понятие «нарративных политик». Под этим термином он предлагает понимать «скоординированные акции и интеракции политических игроков, связывающих задачи и основные параметры своей целенаправленной деятельности с применением политических повествований, выступающих решающим инструментом координации и контроля их действий со своими последователями в гражданском и корпоративном секторах общества, необходимой коррекции поставленных планов, своевременного оспаривания пропагандистских стратегий соперников и размывания их политического имиджа» (с. 23). Нетрудно увидеть в этом определении параллели с понятием символической политики в интерпретации С.П. Поцелуева [Поцелуев, 2009] и от-

части – с более широкой интерпретацией, предложенной нами [Малинова, 2012]. Хотя в плане объема понятия «нарративные политики» можно рассматривать как частный случай практик символической политики, с точки зрения содержания это понятие имеет вполне определенную специфику. Во-первых, оно смещает внимание с анализа самих нарративов на особенности их функционирования и на обусловленные ими политические эффекты. Во-вторых, оно подчеркивает роль нарративных конструкций, оставляя за скобками другие способы репрезентации смыслов в политических коммуникациях. Автор аргументирует это радикальным изменением коммуникативных практик: он полагает, что в условиях «нарастающей сложности и разнородности социума» повествовательные конструкции приходят на смену доктринальным (идеологическим) способам организации политических коммуникаций (с. 21). На наш взгляд, это слишком радикальное утверждение. С одной стороны, есть обширная литература, рассматривающая нарративы в качестве неотъемлемых составляющих доктринальной идеологической коммуникации. С другой стороны, в российском контексте активно развиваются коммуникативные практики, в которых нарративный принцип подачи контента заменяется клиповым, транслирующим череду образов, не связанных эксплицитным повествованием, примером могут служить экспозиции российских регионов на выставке «Россия» на ВДНХ в 2024–2024 гг. Впрочем, эти возражения не отменяют необходимости изучения политических эффектов публичных нарративов, а значит, научного вклада обсуждаемой статьи.

Рубрику «Контекст» продолжает статья политических лингвистов *О.Б. Януш* и *Н.М. Мухарямова*, посвященная пролиферации понятия «суверенитет» и его производных в российском публично-информационном пространстве. Они описывают данное явление как «семантическую деривацию», т.е. смысловое расщепление языковых единиц, линейно порождающее иерархические структуры, отмечая, однако, что в силу спорадичности и несистематичности использования рассматриваемого понятия о деривации в строгом смысле слова говорить не приходится. Авторы показывают, как в результате «расползания» понятия за рамки исходного юридического значения появляются новые семантические образования – «концепты-переживания, концепты-события, конвенционально нагруженные символы и, наконец, эмблемы идейных диспозиций» (с. 42). В результате «суверенитет» и его производные

все чаще используются вне общепринятого значения, что ведет к хаотическому расширению объема понятия.

В рубрике «Ракурсы» публикуются статьи, посвященные анализу слов и понятий в политических дискурсах России, Италии и Турции. Ее открывает статья молодой исследовательницы из КНР *Я. Ван*, посвященная анализу трансформации понятия «Евразия» в дискурсе президента В.В. Путина. Предлагая нарративный подход к изучению процесса конструирования региона, автор статьи демонстрирует иной, по сравнению с представленной выше статьей А.И. Соловьева, способ работы с данным понятием. Ван предлагает обстоятельную методологию сравнительного анализа текстов, опирающуюся на герменевтическую теорию нарратива и концепцию нарративного шаблона Дж. Верча. Это позволяет, во-первых, выделить в речах В. Путина три значения слова «Евразия» – государство (Россия), регион (постсоветский) и континент («Большая Евразия»); во-вторых, реконструировать два нарративных шаблона, различающихся моделями построения сюжета и темпорально-пространственных связей – функционально-экономический и цивилизационно-суверенный; в-третьих, обнаружить, что до 2022 г. первый из этих шаблонов использовался чаще, а начиная с 2022 г. одинаково активно стали применяться оба.

Цель статьи *О.Г. Харитоновой, Ш.И. Абдуллаева и Е.В. Пастушенко* – проследить трансформацию дискурса крайне правых популистских лидеров в Италии до и после прихода к власти. Авторы доказывают, что успехи правопопулистских партий связаны с конфигурациями фреймов, использовавшихся для презентации образа «народа». При анализе фреймов использовалась типология, дифференцирующая популизм, разделяющий общество по вертикали (народ против элиты), и нативизм, проводящий водоразделы по горизонтали (инсайдеры против аутсайдеров, определяемым по этническим, расовым и культурным признакам). Оба типа, в свою очередь, подразделялись на позитивный («для» Италии) и негативный («против» врагов итальянского народа). На основе этой типологии был проведен качественный контент-анализ с последующим подсчетом частоты использования тех или иных фреймов. Исследование выявило разные конфигурации фреймов популизма и нативизма и разную степень радикализации правопопулистского дискурса М. Сальвини и Дж. Мелони. По заключению авторов, Сальвини оказался более последовательным популистом, тогда как более прагматичной Мелони удалось найти «золотую середину» между популизмом и нативизмом, что привело ее к победе.

В статье *В.А. Аваткова и А.И. Сбитневой* на примере речей Р.Т. Эрдогана проанализированы дискурсивные конструкции, составляющие основу внешнеполитического дискурса Республики Турция. Особое внимание уделено конструкциям, представляющим Турцию в качестве лидера, мирового «хаба», нарративу о справедливости и формуле «мир больше пяти» (постоянных членов СБ ООН), в соответствии с которой влияние на международную повестку имеют не только признанные мировые государства. Авторы обращают внимание на специфичность интерпретации некоторых общих понятий в турецком внешнеполитическом дискурсе, что, по их мнению, может сказываться на его конкурентоспособности у внешних аудиторий.

Статья *В.В. Павлова и А.В. Павловой*, открывающая рубрику «Идеи и практика», посвящена анализу художественного фильма «Падение империи» (“Civil War”) – триллера-дистопии, действие которого разворачивается на фоне ужасов воображаемой гражданской войны в США. В сюжете фильма авторы обнаруживают материал для критики и деконструкции мифа об американской исключительности. Они пытаются выявить символы, связанные с этим мифом, и проанализировать способы их репрезентации в фильме.

В статье *Н.М. Тернова и Д.А. Михайлова* предпринята попытка обнаружить особенности развития политических скандалов в российских СМИ. Авторы полагают, что скандалы играют ключевую роль в формировании морального облика руководителей и их оценке гражданами. Сортируя категории проступков, упоминаемых в СМИ, они обнаруживают, что центральное место в российской политической повестке играют скандалы, связанные с коррупцией.

Статья *Д.О. Растегаева*, заключающая рубрику «Идеи и практика», развивает теорию онтологической безопасности, которая интерпретирует безопасность как ощущение сообществом себя-в-мире, основанное на предсказуемой социальной среде и устойчивости представлений о себе в прошлом, настоящем и будущем. Одним из механизмов конструирования такой безопасности полагается рутинизация – многократное повторение социальных действий, способствующих вытеснению тревожности. Растегаев предлагает операционализацию этого процесса на примере конструирования образа сообщества в качестве жертвы и апробирует ее, анализируя дискурсы о Второй мировой войне и Югославских войн в современной Сербии.

В рубрике «Первая степень» представлены статьи молодых исследователей. *В.С. Муронец* анализирует литературу по проблеме политических предубеждений, присущих большим языковым моделям (LLM). Он выделяет три подхода к изучению факторов, которыми может быть обусловлена предубежденность LLM – сбор информации при помощи анкет, изучение взаимосвязи между способами составления промптов и откликами модели, и манипуляции с возможными источниками предубеждений. *К.А. Туренко*, применяя методологию истории понятий К. Скиннера, изучает развитие концепции суверенитета в Мексике в 1820–1830 гг.

В рубрике «С книжной полки» представлены рецензии на книги, связанные с темой данного номера. *В.С. Авдонин* делится впечатлениями о втором издании сборника, посвященного теории и практике кембриджской школы истории понятий. Опираясь на предыдущий опыт изучения методологии *Begriffsgeschichte* Р. Козеллека, автор рецензии пытается выделить общее и особенное в этих двух направлениях истории понятий. *О.Ю. Малинова* рассказывает о монографии А. Решетникова «Погоня за величию: тысячелетний диалог России с Западом», анализируя ее в ряду других работ, посвященных истории отношений России и ее Значимого Другого в рамках конструктивистских исследований международных отношений. *К.В. Жигadlo* и *Е.Р. Забуга* представляют книгу М. Гоше о развитии понятий «правые» и «левые» во Франции.

*О.Ю. Малинова*¹

References

- Bevir M., Kedar A. Concept formation in political science: An anti-naturalist critique of qualitative methodology. *Perspectives on politics*. 2008, N 6 (3), P. 503–517.
- Edelman M. *Politics as symbolic action: Mass arousal and quiescence*. Chicago: Markham publishing company, 1971, 188 p.
- Kagarlitsky Yu., Maslov B. Between Frege and Foucault: Methodological guidelines of historical semantics. In: Kagarlitsky Yu., Kalugin D., Maslov B. (eds). *Concepts, ideas, constructions: essays on comparative historical semantics*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019, P. 9–38. (In Russ.)

¹ **Малинова Ольга Юрьевна**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, e-mail: omalinova@mail.ru
Malinova Olga, INION (Moscow, Russia), e-mail: omalinova@mail.ru

- Losev A.F. *The problem of symbol and realistic art*. Moscow: Iskusstvo, 1995, 320 p. (In Russ.)
- Lotman Yu. M. Symbol in the system of culture. In: Lotman Yu.M. *What people learn. Articles and notes*. Moscow: Tsentr knigi VGBIL im. M.I. Rudomino, 2010, P. 293–308. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. Symbolic politics: the contours of the problem field. In: Malinova O. (ed.). *Symbolic politics. Issue 1: Constructing ideas about the past as a power resource*. Moscow: INION RAN, 2012, P. 5–16. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. Temporality and other properties of the symbolic in politics. In: Malinova O. (ed.). *Symbolic Politics. Issue 2: Debating the Past as Designing the Future*. Moscow: INION RAN, 2014, P. 5–17 (In Russ.)
- Mead G.H. *The social psychology of George Herbert Mead*. In: Strauss A. (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1956, Vol. 16, 298 p.
- Potseluev S.P. Symbolic politics: A constellation of concepts for approaching the problem. *Polis. Political Studies*. 1999, N 5, P. 62–76. (In Russ.)
- Sartori J. The Tower of Babel. In: Collier D., Gerring J. (eds). *Concepts and method in social science. The Tradition of Giovanni Sartori*. New York: Routledge, 2009, P. 61–96.
- Schwartz-Shea P., Yanow D. *Interpretative research design: Concepts and process*. New York: Routledge, 2012, Vol. 14, 184 p.

Литература на русском языке

- Кагарлицкий Ю., Маслов Б. Между Фреге и Фуко: методологические ориентиры исторической семантики // Кагарлицкий Ю., Маслов Б. Понятия, идеи, конструкции: очерки сравнительной исторической семантики. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – С. 9–38.
- Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.
- Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. – М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2010. – С. 293–308.
- Малинова О.Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля // Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 5–16.
- Малинова О.Ю. Темпоральность и другие свойства символического в политике // Символическая политика. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего. – М.: ИНИОН РАН, 2014. – С. 5–17.
- Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 62–76.